

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется
бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И всё же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды всё строже...

Вот видишь - проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

Ольга Берггольц

Осень только взялась за работу,
только вынула кисть и резец,
положила кой-где позолоту,
кое-где уронила багрец,
и замешкалась, будто решая,
приниматься ей этак иль так?
То отчаётся, краски мешая,
и в смущенье отступит на шаг...
То зайдётся от злости и в клочья
все порвет беспощадной рукой...
И внезапно, мучительной ночью,
обретет величавый покой.
И тогда уж, собрав воедино
все усилья, раздумья, пути,
нарисует такую картину,
что не сможем мы глаз отвести.
И притихнем, смущаясь невольно:
что тут сделать и что тут сказать?
...А она все собой недовольна:
мол, не то получилось опять.
И сама уничтожит все это,
ветром сдует, дождями зальет,
чтоб отмаяться зиму и лето
и сначала начать через год.

МАРГАРИТА АЛИГЕР.
1954.